

**РАЗМЫШЛЕНИЯ НА ТЕМУ
АЛЬТЕРНАТИВНЫХ ВАРИАНТОВ
РАЗВИТИЯ БОЛГАРСКОЙ ИСТОРИИ**

В трактовке любого знаменательного исторического события возможны совершенно различные историко-оценочные подходы. Не является здесь исключением и русско-турецкая война 1877–1878 гг., закончившаяся 140 лет назад. В масштабе истории это было сравнительно недавно. Оценки ее результатов на протяжении указанного исторического отрезка времени также претерпевали изменения. Именно этим можно объяснить наш интерес к постфактному моделированию истории.

Замечу, что из всех балканских стран Болгария, пожалуй, имеет больше всего страниц в своей истории, которые с удовольствием вычеркнули бы некоторые историки. Речь идет о помощи России болгарскому народу. С точки зрения некоторых мыслителей, она причинила ему немало вреда. Освободив Болгарию, самодержавная Россия тем самым нарушила или, скажем так, исказила естественный процесс обретения государственности через демократическую эволюцию Османской империи. В определенном смысле с этим можно согласиться, поскольку рождение Болгарского государства было напрямую связано с войной, т.е. с механическим приложением силы. Но, как говорил Гегель, «всё действительное разумно, всё разумное действительно».

Казалось бы, нет предмета для дискуссии. Однако существующее мнение о том, что Россия несколько искривила естественный исторический путь Болгарии, этой прямой наследницы Византии, подталкивает нас к тому, чтобы прикинуть

возможные варианты болгарского исторического развития. Представим себе, что Россия не вступилась за своих братьев, как сказали бы некоторые, и не сочла для себя выгодным связываться в драку. В таком случае не было бы войны 1877–1878 гг. со всеми ее известными результатами.

Можно задаться вопросами: а что произошло бы с Болгарией? Как бы пошел процесс ее развития и возрождения? Все эти вопросы важнейшие. В идеале рисуется картина органичного существования болгарского народа в пределах Османской империи и положительного, бескровного решения македонского вопроса в пределах будущего Болгарского Царства.

Однако любое теоретическое построение в истории хромает уже только потому, что в нем нет иррационального — этого неперемennого компонента жизни, ее вечного спутника. Общеизвестно, что история не терпит сослагательного наклонения. И даже если бы не разразилась упомянутая война, она вспыхнула бы спустя какое-то время.

Как известно, в разделе владений Османской империи была заинтересована не только Россия, для которой войны с Турцией стали традицией. Да и дух национальных движений витал над Европой. Шла «европеизация» Балкан, т.е. цивилизованный грабеж владений султана.

«Итак, альтернативы войне в исторической перспективе не было. Она оставалась мощным средством борьбы России с Турцией, округления собственных границ за счет последней», — мог бы сказать историк-позитивист. Но можно предположить и другой вариант: война велась ради войны. Это построение выглядит нелогичным. Однако, как было сказано выше, жизнь идет вопреки законам формальной логики. Именно способность к борьбе не только за свои интересы и за Святую Софию, но и интересы единоверного славянства делали Россию тем мощным государством, каким она оставалась даже после своих поражений. Кровь, пролитая в русско-турецких войнах, только укрепляла духовно поколения россиян и славянства.

Наконец, можно представить и уже совершенно фантастический вариант развития событий — объединение в той или

иной форме двух империй — Российской и Османской. Однако Османская империя была слишком слаба с точки зрения России для того, чтобы стать надежным союзником. Оптимальный вариант — растаскивание владений султана по кускам просвещенной Европой и науськивание Стамбула на Россию. Оставим несбывшееся минувшему и вернемся в мир бесчувственной политики и чувственных идей.

Борьба за реальную власть, посты, право представлять истину в последней инстанции, т.е. «право первой ночи» — неременный атрибут начального этапа строительства государственности, в том числе и в Болгарии. Можно возразить, что этот период мог бы быть значительно короче, а восседавший тогда на княжеском престоле Александр I Баттенбергский (1879–1886) мог бы сплотить противоборствующих политиков если не монархическим обаянием, то силой своей власти. Да, такая власть была продемонстрирована через приостановку действия Тырновской конституции. Что в итоге получил князь — общеизвестно. К этому следует добавить, что сама центральная власть в лице монарха была вынуждена делиться правами с другими, жаждавшими внести свой посильный вклад в строительство европейской Болгарии.

Процесс деления и разделения институтов власти продолжается и поныне и будет длиться до тех пор, пока болгарин не превратится в европейца. Конечно, это потребует больших инвестиций самого различного характера. Здесь и обычное вливание денежной евромассы собственно в Болгарию, «раздача» денег остальным балканским славянским странам, отношения между которыми далеко не безоблачны. Здесь ведется напряженная и трудоемкая работа по «промывке мозгов» и стирание из памяти всего того отрицательного, что должно быть уничтожено. Важно не забыть и привлечение специалистов к активной деятельности по подмене истории этнографией. На выходе должен получиться средний европеец. Будет ли он хорошим, судить трудно. Плохо одно — он средний. Иными словами, он будет опять-таки той самой массой, почвой, на которой не вырастет ничего, или история пойдет по кругу.

Рассмотрим еще одну альтернативу: движение Болгарии вместе с Россией. В сущности, оно предполагалось обеими сторонами при соблюдении определенных условий. И в случае его осуществления можно было бы рассчитывать на создание в будущем славянского союза. Однако, как говорят, «силу славянства дробило само славянство». Конкретно: с кем было объединяться российским политикам от дипломатии? С Драганом Цанковым, ради своей власти готовым использовать русские штыки? С Григором Начовичем, делавшим ставку на Германию? С князем — заложником в болгарской политической игре?

Возможно, наилучшим вариантом стал бы всё же князь Александр Баттенберг. Однако русский царь не показал себя способным к союзу с ним, и здесь трудно судить, был ли он прав или совершил ошибку. Сама история кратковременного правления этого князя содержит в себе немало сюжетов, связанных с унижением князя и прямого предательства по отношению к нему болгарских политиков. И тем не менее представляется, что, если бы в 1885 г. князя Александра поддержал русский царь, история Болгарии была бы не столь драматичной. Более того, сама Россия получила бы дополнительные козыри в своей политической игре на Балканах.

Это самое простое объяснение, лежащее на поверхности. Возможен и другой вариант: именно поддержка русским царем болгарского князя привела бы к усложнению международной ситуации на Балканах, драматизации самой истории Болгарии, развязыванию очередной войны за «русское наследство», т.е. за Болгарию. Да и нетерпимость Александра III к болгарскому князю можно объяснить не через «политику чувств», а через политику интересов».

Именно интересы имперской славянской России требовали подчинения ей тех же болгарских интересов. Судьба балканского единоверного славянства была неразрывно связана с Россией, а не наоборот. Когда об этом забывали, то получали известный результат. Но это не аксиома. Начало Германской войны свидетельствует о противоположном. Можно даже сказать в запальчивости, что именно славяне «сожрали» импе-

раторскую Россию, чтобы потом, заплатив долг соцлагерем, уйти на Запад.

Далее. После освобождения Болгарии для России приоритетным становится политическое начало, для Болгарии — национальное. Это всё, конечно, весьма искусственно и схематично, тем не менее заслуживает внимания один вопрос: можно ли было избежать этого своеобразного раздвоения? В принципе это не исключено при соблюдении нескольких условий, главное из которых — создание Великой Болгарии, автоматически снимающей македонский вопрос.

И здесь не стоит забывать ту тривиальную мысль, что прошлое должно изучаться не только на фактах, но и на знании и понимании идей — этого *perpetuum mobile* истории. В отношении славянства и политики России эта банальность как-то забывается и не берется в расчет при анализе тех же русско-болгарских отношений. Для нас привычной стала мысль об объективно-прогрессивной роли России на православных Балканах и царистской политике в этом регионе и т.д. Забывается, как это нередко бывает, одно — идеи.

К сожалению, случается, что даже в очень хороших исследованиях отсутствует анализ той или иной идеи, а есть лишь политика. Можно возразить, что она представляет собой конкретное проявление той или иной идеи, и это будет абсолютно верным. И всё же еще не удалось прийти к установлению именно иерархии идей. В итоге мы все остаемся в определенном смысле прорицателями и толкователями минувшего, выросшими на почве конкретики, и никак не можем оторваться от земли.

Так, когда речь заходит о русской дипломатии, историк зачастую прибегает к выверенной методе деления ее на «царскую» — если ее нужно покритиковать и обличить, и русскую / российскую — в том случае, когда ее действия, конечно, могут быть подвергнуты мягкой критике за ошибки того или иного дипломата, но в целом трактуются в положительном смысле. Особый интерес при чтении различных исторических трудов вызывает портретная характеристика русских дипломатов. Мы рисуем их деятельность в строго очерченных рамках.

В результате у нас часто получается некое устройство, такой щедринский органчик с инструкцией вместо мозгов в голове.

Далее. Среди некоторых исследователей всё еще можно наблюдать тот парадокс в скрытой форме, когда прошлое критикуется с современных позиций. В итоге у нас получается, что любой русский царь у нас — реакционер уже потому, что он самодержец, а не демократ. Я нарочно утрирую, чтобы показать, насколько схема опасна для истории, в том числе и для русско-болгарской. Кто у нас Александр III? Для многих это человек, который личные чувства, грубо говоря, поставил выше государственных интересов. Для других — император, заботившийся прежде всего об интересах имперской России, славянской России, православной России. В обоих случаях речь идет о конкретном человеке, поступки которого можно постараться понять только через идеи, их иерархию. При этом здесь будет и должен быть важен анализ их сущностных характеристик при одновременном учете политизированного бытия. Для того чтобы облегчить понимание того, о чем я говорю, могу привести ряд таких идей, как панславизм, национализм, конституционализм, самодержавие и пр. А в итоге получается «Болгария для себя», а «Россия для всех». Это тоже — идея. Здесь достаточно вспомнить того же Достоевского.

При этом не всегда вспоминается, что, в сущности, всё происходящее в русско-болгарских отношениях можно назвать дежа вю в политике Петербурга на Балканах. Пример — Сербия. По сути дела, у России хорошо получалось с освобождением, но плохо с опекунством. И конечно, ключ здесь следует искать не столько в деятельности «плохих» или «хороших» дипломатов, сколько в иерархии идей, их соподчиненности, даже антагонизме.

Можно, конечно, сказать, что тактика русской дипломатии обусловила разрыв отношений между Болгарией и Россией. Оставим здесь за кадром политику Софии, для которой освобождение от плотной опеки России было на очереди после освобождения от турецкого владычества. После почти десятилетнего разъединения России и Болгарии их отношения были нормализованы. Однако достичь гармонии в мире идей

не удалось, о чем свидетельствует последующая история славянства.

Но это удалось Ивану Вазову. Написанный им 30 декабря 1899 г. рассказ «Последний день XX века» (текст взят нами из Интернета) позволяет сопоставить видение классиком мировой литературы судьбы Болгарии с реалиями современности. Здесь и институт монархии с мифическим царем Иваном из династии Кобургов. Тут и македонский вопрос, решенный Вазовым, но до сих пор не ушедший из исторических исследований и не исчезнувший из политико-международной повестки дня. Тема освобожденного, по Вазову, Царыграда, славянской столицы, позволяет еще раз напомнить о мифах как своеобразных движителях в истории. Описанные Вазовым совместные действия двух флотов по взятию средиземноморского порта Каваллы, давней мечты болгар, дают возможность поговорить об исторической памяти. Судя по тексту, можно предположить, что и в России также сохранилась монархическая власть. И династический брак принца Бориса с дочерью Николая II Татьяной, о котором когда-то говорили в 1910 г., стал квазиреальностью у Вазова. Иными словами, то, что имело определенную основу в прошлом Болгарии, обернулось «действительностью» у великого писателя.

И глубоко символично, что сын царя Ивана у писателя получил знаменитое имя Константин, вероятно в честь Константина Великого (288?–337), императора Запада и Востока, принявшего христианство при известных обстоятельствах. Возможно, что для Вазова Болгария в конце XX столетия превратилась в мощное государство, объединившее в своих пределах многие земли, в том числе и Македонию. На это прямо указывает фраза о том, что «губернатор Охриды просит соизволения принять его». Причем интересно заметить, что македонские земли входили в Болгарию в качестве губернии, т.е. крупной территориально-административной единицы, не обладающей особыми правами или привилегиями. Итак, судя по воззрениям Вазова на Болгарию, в конце XX века македонский вопрос, эта незаживающая язва на Балканах, была исцелена, скорее всего, в результате «хирургического вмешательства»,

т.е. военным путем. К такому выводу можно прийти, читая у Вазова строчку о «славных и многотрудных событиях» войны 1972 года. Почему был избран Вазовым именно этот год? Возможно, ключ к разгадке следует искать в сложной и многоцветной истории самой Болгарии. Здесь можно вспомнить и столетие схизмы (1872), и основание Василом Левским тайного революционного комитета в Троянском монастыре, ставшем спустя четыре года оплотом знаменитого Апрельского восстания, и многие другие памятные даты из славного прошлого болгарского народа.

Исполнилась не только эта традиционная македонская мечта Болгарии. Вазов пишет еще об одной славной победе, а именно «о взятии порта Кавалла в ходе совместных маневров с русским флотом», т.е. Болгария получила желанный выход в Эгейское море. Соответственно, исправлялось решение Берлинского конгресса, подвергнувшего ревизии Сан-Стефанский прелиминарный договор, по которому Болгария получала порт на упомянутом море. Сама совместная операция с Россией на исходе XX в. должна была бы восприниматься читателями как знак вечной дружбы с Россией. Таким образом, Болгария получала доступ в стратегический район Средиземноморья.

Сам XX век назван Вазовым «самым счастливым столетием для всего славянского народа». Хотя в социальном плане в Болгарии общество по-прежнему, по мысли писателя, делилось на богатых и бедных, на что указывает фраза о том, что царица раздавала в преддверии праздника «щедрые подарки» беднякам Софии.

Относительно бедноты повторю известную истину, что, по сути дела, общество всеобщего благоденствия отсутствует в Болгарии и сейчас. Эта проблема существует и для населения высокотехнологичных стран и имеет всемирный характер.

«Счастлирое столетие» славянства не могли смутить и сложные отношения с Константинопольской патриархией. Вазов мельком упоминает, что в конце уходящего столетия болгарским экзархом был назначен сливенский митрополит. Здесь трудно делать какие-либо развернутые умозаключения.

Возможны несколько простых вариантов, которые каждый может легко просчитать. Но в данном случае Вазову изменила проницательность: Болгарская церковь с 1945 г. перестала быть схизматической, с 1953 г. ее возглавил свой патриарх, достоинство которого через восемь лет было признано в результате настойчивого ходатайства Русской Православной Церкви.

Возвращаясь к проводам ХХ в., Вазов пишет, что они должны были пройти в «атмосфере радости»: великий князь Александр устраивал торжества в Царьграде в «Мире Софии», после которых «в Босфоре в Александровском дворце» начинался бал. Туда был приглашен и сын царя Ивана.

Итак, в ХХ столетии была решена величайшая задача по превращению турецкого Стамбула в славянский Царьград.

Теперь о загадке с великим князем Александром. Само имя глубоко символично и безусловно для Вазова исторично. Здесь возможны несколько вариантов. Назову три.

Первый связан с именем великого полководца всех времен и народов — Александра Македонского, покорителя и правителя безграничных территорий. Второй — с именем русского императора Александра II, вошедшего в историю как освободитель русского народа от крепостного права и освободитель болгарского народа, получившего право на возрождение своей национальной государственности. Третий, наименее вероятный, — первый болгарский князь Александр I Баттенберг, русский ставленник, много сделавший для болгарского народа, но вынужденный оставить трон под нажимом Александра III, при котором он попал в жесткую и грубую опалу.

Есть и еще и четвертый вариант — самый простой: Александр с греческого переводится как «защитник людей».

Теперь о «Мире Софии». Что это?

Резонно предположить, что это дворцовое сооружение, сопоставимое со знаменитым константинопольским храмом Св. Софии. Можно выдвинуть гипотезу, что залы этого здания служили для встреч славянских лидеров, проведения православных собраний, торжественных совместных заседаний, приемов, праздников, переговоров и пр. Мир Софии — это мир мудрости, мир мира.

Напрашивается предположение, что Балканы перестали быть в конце XX в. минным полем, но Вазов пишет о «беспорядках на южных границах (Охридской губернии. — В.К.), в который раз учиненных неугомными албанцами». И здесь писатель выступает реалистом, взор которого проникает через столетие. Достаточно вспомнить Косово, кровавые конфликты Приштины с Белградом последних лет XX столетия. Можно и нужно назвать Македонию, где албанское население побеждает рождаемостью, а сам мир весьма хрупок. Предвидение Вазовым албанских возмущений и гипотетической возможности вспышки мусульманского сепаратизма в Болгарии просто поражает.

Вместо тривиального заключения позволю себе предоставить слово великому болгарскому писателю: «Сильные чувства переполняли сердце царя в этот последний день XX века. Перед его мысленным взором проносились фрагменты великих событий — светлых, печальных и радостных, ознаменовавших его царствование в уходящем столетии и приведших страну к счастью. Память перелистывала страницы прошлого, а взгляд Ивана впивался в будущее, скрытое завесой тайны, погруженное во мрак манящей неизвестности. Что готовит нам надвигающееся Завтра? Какие чудеса и потрясения ждут нас в этом туманном далеко?..»

РЕЗЮМЕ

РАЗМИСЪЛ ЗА АЛТЕРНАТИВНИТЕ ВАРИАНТИ НА РАЗВИТИЕ НА БЪЛГАРСКАТА ИСТОРИЯ

Авторът предупреждава читателя си, че прекрасно знае, че историята не допуска условно наклонение, но нееднократните промени в оценки на резултатите от руско-турската война 1877–1878 г. са го подтикнали към постфактно моделиране на историята. Като отговаря на появилите се обвинения, че освобождението на българите от Русия е нарушило естествения ход на историята им, авторът ни предлага да си представим, какво щеше да се случи с България в обратния случай. Тук е обсъден и хипотетичният съюз на Русия с Османската империя, вместо война за освобождението на българите, или пък —

един вариант, при който Русия одобрява Съединението на България, което българският княз Александър I Батенберг подготвя тайно и осъществява без да осведоми руснаците за предстоящия акт. Това, както е известно, довежда до скъсване на дипломатическите връзки между двете страни в продължение на цяло десетилетие: 1886–1894. Руско одобрение, според автора, щеше да предизвика българска национална катастрофа може би и по-рано, отколкото тя сполетява страната като резултат на втората Балканска война 1913 г. Като анализира и други варианти на «алтернативното» развитие на историята, авторът показва, че всъщност, не остава място за него, защото Русия отстоява общите политически интереси, докато България се движи изключително от национални интереси.